

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	7
--------------	---

ЧАСТЬ I 1985–2005 годы

ГЛАВА 1. ЧИКАГО	33
ГЛАВА 2. СЕНТ-ЛУИС	56
ГЛАВА 3. «ГДЕ ТЫ?»	74
ГЛАВА 4. СРЕДИ ЭТАЛОННЫХ ГИКОВ	89

ЧАСТЬ II 2005–2012 годы

ГЛАВА 5. АКАДЕМ	111
ГЛАВА 6. «НУ ТЫ ГДЕ?»	130
ГЛАВА 7. ОТ «НЕ ВПЕЧАТЛЯЕТ» ДО «КРУТО»	143
ГЛАВА 8. ЗНАЧОК ПРИДУРКА	154

ЧАСТЬ III 2012–2019 годы

ГЛАВА 9. «ВЗЛЕТЕТЬ НА РАКЕТЕ»	171
ГЛАВА 10. «СЭМА АЛЬТМАНА – В ПРЕЗИДЕНТЫ»	194
ГЛАВА 11. «МАНХЭТТЕНСКИЙ ПРОЕКТ ДЛЯ ИИ»	215
ГЛАВА 12. АЛЬТРУИСТЫ.....	243
ГЛАВА 13. РАЗВОРОТ В СТОРОНУ ПРИБЫЛИ.....	277

ЧАСТЬ IV 2019–2024 годы

ГЛАВА 14. ПРОДУКТЫ.....	311
ГЛАВА 15. СНАТГРТ	326
ГЛАВА 16. «СБОЙ»	352
ГЛАВА 17. ПРОМЕТЕЙ ОСВОБОЖДЕННЫЙ	376
ЭПИЛОГ	395
БЛАГОДАРНОСТИ	403
ПРИМЕЧАНИЯ.....	407

ПРОЛОГ

Теплым ноябрьским вечером 2023 года знаменитый венчурный инвестор Питер Тиль устроил праздничный ужин в честь дня рождения Мэтта Данзайзена. Гости собрались в авангардном японском ресторане YESS, разместившемся в историческом здании банка начала XX века в Арт-квартале Лос-Анджелеса. В просторном зале, напоминавшем древний храм, рядом с Тилем сидел его друг Сэм Альтман¹. Тиль вложил в первый венчурный фонд Альтмана более 10 лет назад и с тех пор оставался наставником молодого инвестора, ставшего генеральным директором OpenAI и лицом революции в области искусственного интеллекта. Запущенный годом ранее ChatGPT не только вывел акции высокотехнологичных компаний из затяжного пике, но и обеспечил им один из самых успешных периодов за последние десятилетия. И тем не менее Тиль был встревожен.

Задолго до знакомства с Альтманом Тиль взял под крыло другого юного гения, одержимого искусственным интеллектом, — Элиезера Юдковского. Тиль финансировал его исследовательский институт, работавший над тем, чтобы сделать ИИ дружелюбным к людям прежде, чем тот создаст искусственный разум, превосходящий человеческий. Но, по мнению Тиля, Юдковский превратился в «законченного пессимиста

и технофоба», сведя все свои мрачные прогнозы к простой формуле: «Единственное, что нам остается, — ездить на фестиваль Burning Man, ожидая, когда искусственный интеллект явится нас убить». В марте Юдковский опубликовал колонку в *Time*, где утверждал, что, если не остановить нынешние исследования в области генеративного ИИ, «все население Земли будет в буквальном смысле обречено на гибель»².

«Ты даже не представляешь, до какой степени Элиезер промыл мозги половине твоих сотрудников, — предостерег Тиль Альтмана. — Тебе стоит отнестись к этому серьезнее».

Альтман рассеянно ковырял свое вегетарианское блюдо, сдерживая желание закатить глаза. Не в первый раз за ужином Тиль предупреждал его о том, что компанию захватили «эффективные альтруисты» — последователи философского течения, родственного утилитаризму. В последнее время эти ребята переключились с борьбы против глобальной нищеты на предотвращение геноцида человечества взбесившимся ИИ. Тиль не устал повторять, что «борцы за безопасный ИИ» погубят OpenAI. Он поддерживал компанию с первого дня — сначала субсидировал ее из личных средств в 2015 году, когда она была крошечной некоммерческой лабораторией, а затем, в начале 2023 года, через свой Founders Fund, после того как OpenAI обзавелась коммерческой дочерней компанией для привлечения миллиардных инвестиций от Microsoft и других организаций. Впрочем, Тиль славился своими апокалиптическими прогнозами — как шутили в Кремниевой долине, он верно предсказал 17 из последних двух финансовых кризисов.

«Ну, отчасти так было с Илоном, но мы от него избавились», — ответил Альтман, намекая на неприятное расставание в 2018 году с сооснователем компании Илоном Маском, который как-то сказал, что, создавая искусственный интеллект, мы

«призываем демона»³. «Потом была история с Anthropic, — продолжил он, имея в виду более десятка сотрудников OpenAI, которые в конце 2020 года, разочаровавшись в Альтмане, ушли создавать собственную конкурирующую лабораторию. — Но и с этим мы разобрались». Теперь в компании работало более 700 человек, и они, как на ракете, неслись вверх, навстречу возможности прикупить себе домик на побережье — в ближайшее время готовилось предложение по выкупу акций у сотрудников, по которому OpenAI оценивалась более чем в 80 миллиардов долларов. Паниковать не было причин.

Альтман давно превратил оптимизм в свою фирменную черту. Впрочем, на его месте кто угодно испытывал бы такое же воодушевление. Похожий на эльфа 38-летний руководитель завершал лучший в своей блестящей карьере год — год, когда его имя гремело повсюду, сенаторы ловили каждое его слово, а сам он встречался с президентами и премьер-министрами по всему миру. И — что в Кремниевой долине ценится превыше всего — создал технологию, которая, похоже, действительно могла изменить все.

В ноябре 2022 года OpenAI запустила ChatGPT — чат-бота с пугающе человекоподобным интеллектом (название расшифровывается как generative pre-trained transformer — «генеративный предварительно обученный трансформер»), который мгновенно стал хитом: сервис привлек 100 миллионов пользователей менее чем за квартал, побив все рекорды скорости роста⁴. А спустя всего несколько месяцев OpenAI представила еще более мощную версию — GPT-4, способную сдать квалификационный экзамен на адвоката и получить высший балл на сложнейшем тесте по биологии. Столь умопомрачительная динамика наводила на мысль, что амбициозная цель компании по безопасному созданию первого в мире

общего искусственного интеллекта (AGI) может быть вполне достижима.

Даже самые убежденные скептики — включая профессора информатики из Стэнфорда, который в разговоре со мной пренебрежительно назвал первую версию ChatGPT дрессированной собачкой, — начали смягчать свою позицию. В течение нескольких месяцев, когда американские компании спешно создавали рабочие группы по ИИ, пытаясь оценить потенциальный рост производительности, мы словно шагнули в научно-фантастический рассказ, автором которого был Альтман.

Сам Альтман код не писал. Он был провидцем, вдохновителем новых идей и мастером заключать сделки. Его уникальный дар, отточенный годами консультирования, а затем руководства престижным стартап-акселератором Y Combinator, заключался в умении взяться за практически неосуществимую идею, заразить других верой в возможность успеха, а затем привлечь столько денег, что эта идея становилась осуществимой. «Он единственный среди всех моих знакомых, кто берется исключительно за проекты, способные перевернуть мир, даже если шансы на успех — всего 1%», — говорил Али Рогани, управлявший инвестициями в Y Combinator, когда Альтман был президентом компании.

Пожалуй, никто лучше Альтмана не воплощал главный принцип Кремниевой долины — «добавь ноль справа». Этот образ мышления он перенимал у своего наставника Пола Грэма — блестящего программиста, предпринимателя и эссеиста, одного из сооснователей Y Combinator. Грэм почти всегда помогал стартапам отказаться от мелочного мышления и задуматься, как вывести бизнес-модель на более высокий уровень — чтобы в прогнозах выручки строчка «миллионы» превратилась в «миллиарды». В 2019 году, встав у руля OpenAI, Альтман изложил

в блоге свою философию успеха: «Полезно стремиться добавить еще один ноль справа к любому показателю своих достижений — будь то деньги, статус, влияние на мир или что угодно еще»⁵.

Тиль признавался: Альтман привлек его тем, что, как никто другой, воплощал дух Кремниевой долины той эпохи — миллениал 1985 года рождения, попавший в мир технологий в золотой момент между крахом доткомов и финансовым кризисом, когда вера в стартапы возродилась, но технологическая сфера еще не скатилась в то, что Тиль язвительно называл заезженной колеей. В середине 2010-х, когда все громче звучали разговоры о технологическом пузыре, Тиль подавил сомнения, доверившись инвестиционному чутью Альтмана, — и не прогадал. «Сэм был неисправимым оптимистом — качество, необходимое для инвестирования в эти компании, ведь все они казались переоцененными», — говорил он. Как выяснилось, у «единорогов», возвращенных в Y Combinator, таких как Stripe и Airbnb, еще оставался колоссальный потенциал для роста. На протяжении почти всей взрослой жизни Альтмана, если не считать короткой паузы после финансового кризиса 2008 года и начавшейся в 2020 году пандемии, технологические рынки знали только один путь — вверх.

Но на этот раз мрачные предчувствия Тиля оказались пророческими. Пока два инвестиционных партнера поднимали бокалы в самом модном новом ресторане Лос-Анджелеса, четверо из шести членов совета директоров OpenAI (в их числе двое напрямую связанных с движением эффективных альтруистов) тайно обсуждали по видеосвязи увольнение Альтмана. И хотя сам Юджовский не имел к этому отношения, его влиятельный блог LessWrong сыграл ключевую роль в том, что страх перед экзистенциальной угрозой со стороны ИИ стал центральной темой движения эффективных альтруистов.

Отголоски этого страха прослеживались и в принципах самой OpenAI, чьей заявленной миссией было «развивать цифровой интеллект так, чтобы это принесло максимальную пользу всему человечеству, не ограничиваясь необходимостью получать финансовую выгоду». Еще отчетливее эти опасения проступили в необычном уставе OpenAI 2018 года. В нем говорилось, что компания «обеспокоена тем, что разработка AGI на поздних стадиях может превратиться в гонку, где не останется времени на необходимые меры безопасности», поэтому обязуется «прекратить конкуренцию и начать помогать» любым проектам, разделяющим ее ценности, если они первыми создадут AGI. Самым причудливым образом этот страх воплотился в структуре управления компании: коммерческим подразделением руководил некоммерческий совет директоров, который был обязан действовать в интересах не инвесторов, а «человечества»⁶. Инвесторов же предупреждали, что они могут потерять все вложенные средства, если совет сочтет это необходимым для выполнения высшей миссии.

Устав во многом опирался на «Принципы ИИ», разработанные на конференции 2017 года. Ее организовал Институт будущего человечества — некоммерческая организация, занимавшаяся предотвращением экзистенциальных рисков от ИИ, которую финансировали такие миллиардеры, как Маск и основатель Skype Яан Таллинн. Альтман присутствовал на конференции и поддержал эти принципы. Еще раньше, в 2015 году, став одним из основателей OpenAI, Альтман писал в своем блоге, что AGI — это «вероятно, величайшая угроза существованию человечества», и рекомендовал книгу «Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии» Ника Бострома*, философа

* Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. — М.: МИФ, 2016.

из Оксфордского университета, который на протяжении многих лет был частым гостем конференций MIRI, организованных исследовательским институтом Юдковского⁷.

Опасения по поводу безопасности ИИ, о которых говорил Бостром, — например, история об искусственном интеллекте, запрограммированном делать канцелярские скрепки, который уничтожает человечество не из злого умысла, а потому, что люди мешают его стремлению превратить всю материю во Вселенной в скрепки (эту страшилку он позаимствовал, видоизменив, у Юдковского), — сыграли решающую роль в привлечении в OpenAI лучших в мире исследователей искусственного интеллекта. Не в последнюю очередь потому, что Маск, разделявший эти опасения, вложил в проект свои средства. И даже празднуя триумф ChatGPT, Альтман не забывал осторожно вплетать в свои восторженные прогнозы предостережения о потенциальных угрозах — во время слушаний в сенате он просил сенаторов заняться регулированием ИИ, потому что «если с этой технологией что-то пойдет не так, последствия могут быть катастрофическими»⁸.

Многие в индустрии считали это не более чем искусным маркетинговым ходом. И действительно, в 2023 году Альтман в основном занимался тем, что у него получалось лучше всего: заключал сделки с новыми инвесторами, подогревал интерес прессы и выступал в роли глобального пророка будущего невиданного процветания. Возможно, его и правда тревожило, куда все движется, но педаль газа он выжимал до упора.

Однако вопреки мрачным предположениям Тилы члены совета директоров OpenAI совещались в тот вечер не из-за страха, что компания слишком быстро приближается к созданию AGI. На самом деле их желание сместить Альтмана почти не было связано ни с эффективным альтруизмом, ни с экзистенциальными

рисками. Причина крылась в том самом качестве, за которое Тиль так превозносил Альтмана, — в том, что тот был живым воплощением духа Кремниевой долины.

А дух Кремниевой долины начала XXI века, который стал визитной карточкой Y Combinator и который так ярко воплощал Альтман, заключался в том, что основатели компаний — короли, императоры, боги. Венчурные инвесторы, финансировавшие стартапы, из кожи вон лезли, доказывая свое дружеское расположение к основателям, что на практике означало: не увольнять основателя с поста генерального директора и не вставлять ему палки в колеса. Тиль довел эту идею до логического завершения, назвав свою венчурную фирму Founders Fund («Фонд основателей») и заявив, что она никогда не уволит основателя компании⁹. Отношения между венчурным инвестором и основателем считаются важнее даже успешности самого стартапа. В конце концов, если этот бизнес не выстрелит, основатель всегда может привлечь новый пакет инвестиций и начать что-то другое — и в этот раз достичь десятизначной оценки.

Альтман возглавил Y Combinator в 2014 году, и к этому времени основатели компаний настолько укрепили свои позиции, что он даже опубликовал в блоге пост с мягкой критикой практики, при которой основатели стартапов брали деньги инвесторов, но не давали им мест в совете директоров. Альтман отмечал, что на самом деле некоторые опытные венчурные инвесторы могли бы помочь компаниям своими знаниями. Впрочем, опасаясь, что стартапы Y Combinator решат, будто он зашел слишком далеко, Альтман завершил пост словами: «Хорошая идея — сохранять достаточный контроль, чтобы инвесторы не могли вас уволить»¹⁰.

Компания OpenAI должна была стать исключением из этого правила. У Альтмана не только не было суперпривилегированных

акций, которые гарантировали бы ему пожизненную власть, как у Марка Цукерберга, — у него вообще практически не было акций. Альтман принял такое беспрецедентное решение еще на заре существования OpenAI: сначала потому, что компания была некоммерческой, а затем — чтобы остаться в совете директоров, не нарушая требование устава о том, что большинство директоров должны быть независимыми, то есть не владеть акциями компании. Он утверждал, что отсутствие у него власти — важнейший способ обеспечить подотчетность.

Однако совет директоров обнаружил: Альтман, привыкший к быстрым маневрам в непрозрачном мире венчурного капитала, сосредоточил в своих руках такое реальное влияние, что они не могли нормально работать. Через пять дней после ужина в японском ресторане, организованного Тилем, Альтман был уволен из компании, которую сам же и основал. Официальная причина: он «не всегда был искренен с советом директоров».

Я познакомилась с Альтманом за восемь месяцев до этого, в самый разгар первой волны ИИ-безумия. Редакция *The Wall Street Journal* командировала меня в Сан-Франциско взять интервью у основателя OpenAI в его штаб-квартире, расположенной в районе Мишн — этом причудливом, колоритном уголке города, где я когда-то, еще студенткой, подрабатывала летом в кофейне. Тогда, во времена первого пузыря доткомов, стены района пестрели самодельными листовками «Смерть яппи!», призывавшими айтишников убираться прочь и оставить панков и фриков в покое. За прошедшие годы, после того как Мишн захлестнула новая технологическая лихорадка, этот район превратился в подобие Бруклина, только с более вкусными буррито.

В воздухе витало что-то особенное. Стояла середина марта — то унылое время года, когда в Нью-Йорке уже почти перестаешь верить в существование солнца, но Сан-Франциско сиял. После

пяти дождливых дней воздух стал кристально чистым, выглянуло солнце. Вдоль шоссе 101 каждый билборд рекламировал какую-нибудь новинку в области ИИ. Вечерние новости начинались с сенсационных репортажей о том, как GPT-4 успешно сдал LSAT — вступительный экзамен в юридические вузы. Изящные цветочные композиции, кофе с нотками черники и бездомные на каждом углу — таким меня встретил Мишн.

Офис OpenAI располагался в невзрачном здании бывшей майонезной фабрики на некогда промышленной окраине Мишн, на границе с районом Потреро-Хилл. Никаких вывесок, намекающих на то, что скрывается внутри, — решение, казавшееся тогда нелепым, но обретшее смысл месяц спустя, когда Юджовский призвал бомбить дата-центры, чтобы остановить вышедший из-под контроля ИИ. Подойдя к зданию, я наткнулась на растерянного инвестора с бейджем на шее, который занимался тем же, что и я: метался между безымянной дверью и таким же безымянным грузовым въездом за углом, не в силах поверить, что через один из них можно попасть в самую захватывающую и внушающую трепет компанию Кремниевой долины. Ситуация не улучшилась, когда мы спросили охранника у грузового въезда, там ли мы находимся, — он наотрез отказался отвечать.

В итоге нам все-таки удалось попасть внутрь — в холл, больше всего напоминавший гибрид оранжереи и спа-салона. Со всех сторон нас окружали суккуленты и папоротники. Журчание каменных фонтанчиков сливалось с приглушенным гулом разговоров венчурных капиталистов, собравшихся на каком-то нетворкинг-мероприятии, посвященном инвестиционной экосистеме в сфере ИИ.

Через некоторое время в комнату вихрем влетел Альтман — в ослепительно-белых кроссовках и с располагающей улыбкой. Он выглядел моложе своих 37 лет благодаря ямочкам

на щеках. Первое, что бросается в глаза при встрече с Альтманом — и на чем заостряли внимание все ранние материалы о нем, — это его комплекция: тощий как жердь и невысокий, всего метр семьдесят с небольшим. Второе — его пронзительные зеленые глаза, которыми он смотрит прямо на собеседника, словно говорит с самым важным человеком на планете. Он извинился за задержку — предыдущая встреча затянулась. На экране в конференц-зале она до сих пор значилась под названием «Манхэттенский проект ИИ».

«Мы обсуждали, как можем еще больше внимания уделять элайнменту — то есть приведению целей ИИ в соответствие с человеческими ценностями, — пояснил Альтман, когда его спросили об этом зловещем названии. — Можем ли мы наладить более слаженную работу с другими группами по мере развития возможностей систем, чтобы решить проблему безопасности AGI? У нас есть несколько любопытных идей на этот счет».

Наш разговор состоялся спустя два дня после выхода GPT-4. Альтман стоял во главе организации, занимающейся таким эпохальным делом, что обычные продажи и прибыли казались мелочью. Он явно наслаждался необычностью сложившейся ситуации.

«Мне невероятно повезло — в начале карьеры я заработал больше денег, чем мне когда-либо понадобится, — сказал он. — Я хочу работать над тем, что считаю интересным, важным, полезным, заметным и критически важным, — над тем, что необходимо сделать правильно. Но больше денег мне не нужно. К тому же со временем мы, думаю, примем кое-какие решения, которые будут... — Альтман замялся, подбирая слово, — странными».

Он нарисовал картину будущего, в котором население планеты голосует за то, каким должен стать искусственный интеллект.

«Мы искренне хотели бы, чтобы эта технология управлялась всеми и чтобы ее преимуществами пользовались все, — сказал он. — Если нельзя реализовать это как государственный проект — а я думаю, есть масса причин, почему это может оказаться плохой или попросту неосуществимой идеей, — то разумным подходом кажется некоммерческая организация». Его определение безопасного AGI получилось довольно размытым. Когда Альтмана спросили, что для него означает безопасность ИИ, он заговорил о будущем, где «подавляющее большинство людей в мире живут намного лучше, чем жили бы в мире без AGI». Для многих это означало бы смену профессии. «Я не думаю, что большинство людей любят свою работу», — сказал он.

Лишь раз за все наше двухчасовое интервью альтруистическая маска сползла с его лица, обнажив лик беспощадного конкурента. В течение предыдущего месяца и Google, и Anthropic объявили о скором запуске собственных генеративных ИИ-чат-ботов, и складывалось впечатление, что отрасль вступает именно в ту самую гонку вооружений в сфере ИИ, которой так страшился устав OpenAI. Но на вопрос о конкуренции Альтман лишь бросил: «Ну, они поторопились с пресс-релизами» — и добавил: «Очевидно же, что сейчас они отстают».

Несмотря на этот краткий приступ самодовольства, офисы OpenAI, по которым он нас провел, излучали какую-то сектантскую добродетельность — как элитная частная школа со своим кодексом чести. Здесь была столовая, гостиная в духе 1980-х, уставленная настольными играми, и точная копия университетской библиотеки — вплоть до библиотечной лестницы и светящихся настольных ламп, воссоздававших интерьер знаменитой Bender Room из Библиотеки Грина в Стэнфорде. На одной из полок лежала стопка виниловых пластинок, венчал которую саундтрек к «Бегущему по лезвию».

Но истинной гордостью Альтмана была самая замысловатая архитектурная деталь: витая центральная лестница, которую он спроектировал так, чтобы все 400 сотрудников неизбежно пересекались друг с другом каждый день. Стоя на вершине лестницы и с жаром рассказывая об инженерных решениях, которых она потребовала, Альтман действительно напоминал жреца в собственном храме. Мне вспомнились его слова из нашего разговора.

«Совсем недавно в AGI почти никто не верил, — говорил он. — И сейчас, возможно, многие все еще не верят. Но думаю, теперь больше людей готовы допустить его возможность. Мне кажется, значительная часть мира проходит через тот же процесс, через который за предыдущие годы прошли почти все наши сотрудники, — процесс осознания всего этого. И это не просто. Это захватывает дух. Это пугает. Это просто колоссально. Поэтому я предполагаю, что в ближайшие годы этот процесс охватит весь мир, а мы постараемся стать голосом, который поможет в нем сориентироваться».

Альтман не продавал технологию, — он продавал веру. И уже преуспел в этом сверх всяких ожиданий. Готовя статью для *The Wall Street Journal* — ради которой и приехала в Сан-Франциско, я поинтересовалась у Тили его мнением об альтмановском идеализме. Тиль ответил: «К нему стоит относиться скорее как к фигуре мессии».

Чуть больше года спустя, в апреле 2024-го, я зашла в лобби отеля Vassarat в центре Манхэттена, и Альтман был уже там, сидел в одном из роскошных кожаных кресел. Я приехала заранее, но он умудрился меня опередить, отправил свою охрану в сторонку и — как выяснилось потом — договорился оплатить счет. Увидев, что я вошла, Альтман вскочил, широко раскинул руки и поприветствовал меня теплым объятием. В этом весь он: сердечный, обаятельный, внимательный, добрый.

Одет Альтман был в свою неизменную униформу: васьковский лонгслив, темные хипстерские джинсы цвета индиго и безукоризненные серые кроссовки New Balance. Через несколько дней ему исполнялось 39, и в каштановых волосах уже кое-где мелькала седина. Он заказал эспрессо — одну из двух чашек своей дневной нормы — и выглядел искренне довольным, воодушевленным продолжительной поездкой в Нью-Йорк.

Меня это удивило, поскольку за месяцы переговоров Альтман недвусмысленно дал понять: книгу писать не стоит. Статья в *The Wall Street Journal*, которую я и моя коллега Бербер Джин подготовили годом ранее после того интервью в офисе OpenAI, привела меня к решению написать книгу. Узнав об этом, Альтман заявил, что еще слишком рано и книга будет чересчур сосредоточена на его персоне. Несколько месяцев спустя он сообщил мне окончательное решение: участвовать в этом проекте не будет. Поскольку герой моей предыдущей книги все время работы над его биографией находился в состоянии близком к вегетативному, меня это особо не смутило, и я продолжала названивать. А потом, за несколько месяцев до нашей встречи в Нью-Йорке, Альтман передумал. Он согласился помочь — немного, но попросил четко обозначить, насколько отвратительным считает весь замысел.

«Я категорически против искажения истории, когда одного человека выставляют олицетворением компании, движения или технологической революции, потому что мир устроен не так и это несправедливо по отношению к выдающейся работе других, — сказал он с нотками гнева в голосе. — Думаю, не следует поощрять подобный взгляд на вещи».

При всем благородстве этой позиции отстаивать ее стало куда труднее после того, как Альтман вернулся в кресло генерального директора всего через пять дней после увольнения. Почти

все 770 сотрудников компании подписали петицию с угрозой покинуть OpenAI и перейти в Microsoft, если его не восстаноят. Для сотрудников и инвесторов OpenAI Альтман был явно незаменим. За последние полтора года не было и дня, чтобы в деловой прессе не вышел материал об ИИ-революции, проиллюстрированный его фотографией. Нравилось ему это или нет, но именно его лицо, а не логотип OpenAI стало символом того, что многие называют величайшим технологическим прорывом нашего времени, а возможно, и всей истории человечества.

Второе возражение Альтмана прозвучало не столь скромно, зато было куда убедительнее — и в его духе. «Знаете, есть такая примета — не праздновать победу заранее. Думаю, в ближайшие лет 10–20 будет еще рано подводить итоги, — возразил он. — OpenAI только в начале пути».

У Альтмана есть особый талант — он заставляет людей поверить, что видит будущее. Выступая публично, он запросто может раскритиковать собственные продукты. Недавно в популярном подкасте он заявил, что GPT-4 — флагманская разработка компании — «прямо скажем, полный отстой». А затем предложил слушателям поразмыслить о том, к чему могут привести компанию нынешние темпы развития¹¹. Классический подход инвестора. В начале своей карьеры в *The Wall Street Journal* я часто приезжала в редакцию ни свет ни заря, чтобы написать о финансовых отчетах компаний. Меня поражало, что сами цифры из пресс-релизов почти не двигали котировки. Инвесторов куда больше волновали прогнозы, которые финдиректора озвучивали на конференц-звонках с аналитиками, щедро пересыпая речь корпоративным жаргоном. В мире венчурных стартапов, где Альтман сформировался как профессионал, главным талантом считается способность загипнотизировать зал, полный инвесторов, воображаемым графиком доходов, стремительно

уходящим вверх и вправо. И в этом искусстве Алтману нет равных.

В его версии будущего AGI неизбежно станет продолжением нашей воли — настолько естественным, что без него мы перестанем чувствовать себя собой. Студенты получают персональных ИИ-наставников — бесплатных или почти бесплатных, которые сделают их умнее и образованнее любого из ныне живущих. Цены обрушатся: искусственный интеллект заменит юристов, дизайнеров и программистов, позволив им заняться творчеством — или другим любимым делом, за которым не замечаешь течения времени, войдя в состояние потока. Потерянные зарплаты компенсирует безусловный базовый доход — его профинансирует богатство, созданное армиями новых работников-роботов. Правительства объединятся с бизнесом для строительства колоссальных дата-центров на дешевой ядерной энергии, которая станет доступной после того, как мы овладеем термоядерным синтезом — тем самым процессом, что питает Солнце. ИИ будет течь как электричество из розетки, помогая побеждать рак и разгадывать физические законы, благодаря которым мы живем на Земле. Мы будем жить дольше — болезни отступят одна за другой. Человечество войдет в эпоху здоровья и процветания.

Но Алтман не просто рассказывает красивые истории. С помощью своего инвестиционного портфеля — более 400 стартапов, благодаря которым был заработан не один миллиард, — он делает крупные ставки на компании, способные воплотить его видение¹². Алтман вложил минимум 375 миллионов долларов в Helion, созданный при поддержке Y Combinator, который пытается освоить термоядерный синтез и превратить его в источник чистой энергии. Вывел на биржу Oklo — разработчика компактных ядерных реакторов. Стал сооснователем

Worldcoin — криптовалютного проекта, представители которого колесят по миру с устройством размером с шар для боулинга, сканируя радужки глаз в обмен на криптовалюту. В будущем эти токены могут стать основой для безусловного базового дохода. Параллельно Альтман из собственного кармана финансирует долгосрочные исследования эффективности такой системы выплат.

В его инвестиционном портфеле есть и другие амбициозные проекты: технологии продления жизни на 10 лет, лечение болезни Паркинсона стволовыми клетками, возвращение сверхзвуковой пассажирской авиации, создание импланта для связи мозга с компьютером. Складывается впечатление, что Альтман никогда не стал бы вкладываться во что-то настолько приземленное, как корпоративное программное обеспечение (хотя именно такие продукты до сих пор в основном выпускают OpenAI и ее партнер Microsoft). Его инвестиционные цели однажды очень метко охарактеризовал Пол Грэм: «Думаю, он хочет целиком создать будущее»¹³.

Альтман утверждает, что не стремился специально выстраивать взаимосвязанную сеть инвестиций, обещающих переделать каждый аспект человеческого существования. Все произошло само собой. «Я очень давно верю, что энергия и интеллект — две важнейшие вещи в мире, — говорит он. — Но я не осознавал, насколько они связаны между собой. Мне просто невероятно повезло».

В этом Альтман мало отличается от коллег — разве что талантливее и амбициознее большинства из них. Но есть одна черта, которая выделяет его, — интерес к политике. Он не просто хочет создать новую технологию и подарить ее миру. Он всегда стремился стать, по выражению Патрика Чанга (инвестора, который первым его заметил), «исторической личностью».

В 2016–2017 годах Альтман говорил друзьям и коллегам, что размышляет о возможности баллотироваться в президенты. В 2017 году он рассматривал идею выдвинуться на пост губернатора Калифорнии, но в итоге решил поддержать других кандидатов, после чего разработал национальную политическую программу. После того как ChatGPT ворвался в глобальное сознание, Альтман совершил первый визит в Белый дом, а затем отправился в мировое турне, в ходе которого встречался с лидерами многих стран — от президента Франции Эмманюэля Макрона до премьер-министра Индии Нарендры Моди.

Альтман любезно отвечал на мои вопросы еще два с половиной часа, время от времени доставая из кармана маленький блокнот на пружинке, чтобы записать себе напоминание обсудить что-то с теми, у кого я брала интервью о нем. Это выглядело одновременно трогательно — словно он был в моем распоряжении — и тревожно. Альтман находится в самом центре Кремниевой долины, и мне оставалось только гадать, какие репутационные волны пойдут от этого проекта. Грэм однажды точно заметил: «Сэм гениально умеет становиться влиятельным».

И все же его власть после увольнения и возвращения (которое в OpenAI называют просто «сбоем») изменилась, став шире и в то же время традиционнее. Он стал осторожнее, сдержаннее. Перестал хвастаться необычной структурой управления компании. Его энтузиазм по поводу безусловного базового дохода сменился желанием дать людям бесплатный (или хотя бы дешевый) доступ к ChatGPT. Обрушившаяся на него слава лишила его возможности тратить время на хобби. Альтмана уже однажды пытались сместить и, вероятно, попытаются снова. И как бы успешно он ни отбивал каждую следующую атаку — расследование показало, что совет директоров не обнаружил явных нарушений, требующих увольнения, а скорее перестал доверять

Альтману и вынес решение, руководствуясь эмоциями, — новые проблемы, казалось, возникали каждую неделю. Под всеми этими угрозами таился вопрос, который сначала задавали шепотом, затем все громче, а потом он стал центральной темой пространных онлайн-эссе от бывших сотрудников компании: можно ли доверить этому человеку вести нас к AGI?

Вернувшись в OpenAI, Альтман начал преобразовывать компанию в более традиционную коммерческую организацию, в которой его доля в акционерном капитале может в конечном счете достигать 10 миллиардов долларов. Теперь он уже не просто лицо революции искусственного интеллекта — он ее бесспорный лидер и рулевой. Он нажил могущественных врагов — прежде всего Маска, который подал в суд на Альтмана и OpenAI, обвиняя их в предательстве изначальной некоммерческой идеи. (OpenAI называет иск Маска беспочвенным, а критики Маска отмечают, что, создав собственную ИИ-компанию xAI, он стал конкурентом Альтмана.) Положение, которое занимает Альтман, делает как никогда важным вопрос, кто же он такой.

Для написания этой книги я провела более 250 интервью с семьей Альтмана, его друзьями, учителями, наставниками, соучредителями, коллегами, инвесторами и представителями компаний, входящих в его инвестиционный портфель, а также несколько часов беседовала с ним самим. Передо мной предстал блестящий мастер сделок с тягой к скорости и любовью к риску, верящий в технологический прогресс почти с религиозным рвением. Правда, он порой движется слишком быстро для окружающих, а его нелюбовь к конфронтации часто позволяет мелким разногласиям вырасти в серьезные конфликты. И все же после каждого удара Альтман становится еще влиятельнее, чем прежде. Как метко написал о нем Грэм в 2008 году:

«Если вы сбросите его с парашютом на остров, населенный каннибалами, то, вернувшись через пять лет, обнаружите, что он стал их королем»¹⁴.

Чтобы понять Альтмана, нужно понять его семью. История, которую я собираюсь вам рассказать, начинается с его отца Джерри Альтмана, который был не просто девелопером недвижимости, как его иногда называют (если вообще решают о нем упомянуть). Политический активизм Джерри и его творческий подход к сделкам — страсть, которую он передал сыну, — оказали долгосрочное влияние на политику доступного жилья. Мать Сэма Конни Гибстин одарила сына как научным складом ума, так и собственной жесткой трудовой этикой. Джерри и Конни ежедневно повторяли, что Сэм, его братья и сестры могут добиться всего, что захотят, и это помогло сформировать в нем уверенность и оптимизм. В то же время в их несчастливом браке кроются корни тревожности Альтмана, о которой он сам не раз говорил, и семейного разлада, который заставил его сестру Энни оборвать все связи с остальной семьей после смерти Джерри в 2018 году.

Первенец в еврейской интеллигентной семье из пригорода Сент-Луиса, Альтман рано показал свою исключительность — и к нему соответственно относились. Его детство формировалось под влиянием прогрессивных институтов — от синагоги Центральной реформистской общины, ориентированной на социальную справедливость, до строгой школы Джона Берроуза. И там и там его учили, что моральный долг каждого — делать мир лучше. В компьютерах он нашел не только интеллектуальное призвание, но и (благодаря чатам AOL Instant Messenger) способ преодолеть подростковую неловкость. В школе Берроуза решение Альтмана выступить против того, что он считал несправедливостью, научило его ценить большие риски, способные изменить жизнь.

В Стэнфорде Альтман познакомился с будущими соучредителями своего первого стартапа Loort — социальной сети на основе геолокации для эпохи раскладных телефонов. Это была единственная компания, которой Альтман руководил до OpenAI, и история Loort предвосхищает будущее: от относительной легкости привлечения капитала престижных венчурных фирм вроде Sequoia Capital до мятежей сотрудников, с которыми Альтман столкнулся как молодой руководитель борющегося за выживание стартапа.

В конечном счете главным достижением Loort стало знакомство Альтмана с Полом Грэмом и Y Combinator. В Альтмане Грэм увидел квинтэссенцию всех качеств, необходимых для успеха стартапа. Loort распродали по частям в 2012 году, однако Альтман сохранил тесные связи с YC — он консультировал их стартапы даже в период, когда управлял собственным инвестиционным фондом при поддержке Тиля. И именно его Грэм выбрал своим преемником, решив уйти на покой. Так Альтман стал одной из ключевых фигур Кремниевой долины. Под его руководством деятельность YC расширилась от десятков до сотен стартапов в год, увеличилось инвестирование в научные разработки, а также было создано подразделение для амбициозных проектов, которое в итоге породило некоммерческую исследовательскую лабораторию OpenAI. Альтман в тот момент был полностью занят управлением YC, так что задачу собрать команду специалистов для новой лаборатории он поручил своему другу Грегу Брокману, бывшему техническому директору платежной компании Stripe — одного из стартапов YC.

Эта книга раскрывает новые факты не только о ранних годах и карьере Альтмана, но и о его работе в OpenAI. Она рассказывает о сближении Альтмана и Маска — они встречались каждую неделю, обсуждая за ужином опасности и перспективы

развития технологий ИИ, — и о том, как Альтман выиграл борьбу за власть у более старшего и богатого предпринимателя благодаря своему альянсу с Брокманом. Из нее вы узнаете, как Альтман — «торговый гений», по словам многолетнего главы Sequoia Capital Майкла Морица, — руководил созданием первого коммерческого продукта на основе большой языковой модели, которая до этого оставалась уделом академических исследований. И как с выпуском ChatGPT и GPT-4 Альтман использовал свое отточенное в YC мастерство рассказывать истории стартапов, чтобы поведать одну из величайших стартап-историй всех времен.

Альтман неохотно обсуждает это с журналистами, но его друзья, включая Тилья, говорят, что он симпатизирует распространенной в Кремниевой долине идее о том, что AGI уже изобретен и мы живем в созданной им компьютерной симуляции. «Сэм на стороне симуляции, а я — на стороне реальности», — сказал Тилья в интервью для нашей статьи в *The Wall Street Journal*. Можно задаться вопросом: чем ИИ отличается от Бога? Когда об этом спрашивают Альтмана, он отмахивается — мол, разговоры первокурсников в общежитии, однако, подобно Декарту, отмечает, что «нельзя быть уверенным ни в чем, кроме собственного сознания» — даже в собственном существовании. «Это очень похоже на то, что говорят многие восточные религии: мы существуем только в нашем сознании», — сказал он во время нашего первого интервью.

Альтман — человек, находящийся в духовном поиске. Он не верит в Бога, но регулярно медитирует и принял элементы индуистской философии Адвайта-Веданты. Вскоре после выхода ChatGPT он написал в «Твиттере», что одна из немногих идей, в которых он убежден, — это «абсолютная тождественность брахмана и атмана»¹⁵. Адвайта, что можно перевести как

«недвойственность» или «единство», утверждает: нет разницы между Брахманом (верховным духом — тканью всей реальности) и Атманом (индивидуальной душой), а мир, который мы воспринимаем, лишь иллюзорное проявление Брахмана. «Я вполне готов поверить, что сознание каким-то образом составляет основу всего и мы все просто находимся во сне, или симуляции, или как это ни назови, — сказал Альтман подкастеру Лексу Фридману. — Забавно, насколько идея симуляции, популярная в Кремниевой долине, приблизилась к концепции Брахмана и как мало различий между ними осталось»¹⁶.

Другими словами, все это сон. А во сне возможно все.

ЧАСТЬ I

1985–2005 годы

ГЛАВА 1

ЧИКАГО

29 апреля 1983 года чикагский политический бомонд собрался на Военно-морском пирсе на инаугурацию первого в истории города темнокожего мэра. С озера Мичиган дул пронизывающий ветер. Под звуки оркестра Гарольд Вашингтон в строгом темном костюме и серебристом галстуке, подчеркивавшем седину в волосах, шел по проходу со своей невестой, на плече которой красовалась крупная брошь цвета фуксии. Когда он поднялся на сцену, зал взорвался криками: «Га-рольд! Га-рольд!» Для города, десятилетиями жившего под властью Ричарда Дейли и демократической партийной машины, Вашингтон означал новую эпоху¹.

Он потряс всю страну, обойдя на праймериз демократов и действующего мэра, и сына покойного Ричарда Дейли, а затем преодолев расовые предрассудки на основных выборах. «Пока не поздно, голосуйте за Эптона!» — призывал республиканский кандидат, намекая, что избрание темнокожего мэра станет катастрофой. Кто-то нацарапал расистское оскорбление на стене католической церкви во время предвыборной кампании². («Политика — не детская игра», — любил повторять Вашингтон. Позже эти слова часто цитировал Барак Обама, в то время молодой общественный активист, начинавший

работать с Вашингтоном и в итоге использовавший созданную им коалицию для старта собственной карьеры³.) В конце концов резкий рост числа темнокожих избирателей вместе с коалицией латиноамериканцев и белых либералов из прибрежных районов принесли Вашингтону победу⁴. «Мое избрание — результат величайшей инициативы снизу в истории Чикаго», — заявил он с трибуны⁵.

Из зала за происходящим с гордостью наблюдал Джерри Альтман — немногословный, консервативно одетый мужчина чуть за 30, один из тех, кто и был той самой «инициативой снизу». Джерри зачесывал иссиня-черные волосы на пробор, при улыбке его глаза превращались в узкие щелочки, а звонкий смех нередко переходил в довольное хихиканье. Последний год он провел в поездках с избирательной кампанией Вашингтона — днем работал волонтером, а по вечерам консультировал по вопросам доступного жилья. Теперь ему предстояло войти в переходную команду мэра по жилищным вопросам. Вашингтон также привлек консалтинговую фирму Альтмана к спецпроекту — нужно было остановить массовый отказ домовладельцев от недвижимости в бедных районах города⁶.

В Чикаго Джерри привел неудачный роман, но в итоге именно здесь, в столице общественного активизма, он обрел дом. Этот город взрастил таких борцов за права, как Гейл Чинкотта — мать шестерых детей из района, переживавшего массовый исход белого населения. Возмущенная недостаточным финансированием и состоянием школ, где учились ее дети, она начала общеамериканский крестовый поход против практики дискриминационного кредитования, в результате чего был принят Закон о реинвестициях в местные сообщества 1977 года⁷. Джерри наладил связи с Чинкоттой и ее соратником Шелом Траппом — тем самым, что прибил дохлую крысу

к двери члена городского совета в знак протеста против бездействия властей в борьбе с грызунами. Джерри также работал бок о бок с теми, кто учился у легендарного Соула Алинского, чей провокационный подход превратил Чикаго в маяк для активистов — а самого Алинского в вечное пугало для правых.

Джерри, впрочем, не был активистом и уж точно не прибивал крыс к дверям. Скорее он был финансистом, увлеченным идеей доступного жилья. Он верил, что с помощью нестандартных финансовых решений сможет убедить деловые круги: инвестировать в жилье для малоимущих выгодно. Через несколько лет ему это удалось — Джерри разработал метод финансирования, основанный на особенностях налогового законодательства. Новаторский подход Джерри лег в основу федеральной программы налоговых кредитов для малоимущих, которая до сих пор остается основным механизмом строительства доступного жилья в США.

«Это был настоящий прорыв, — вспоминал Лерой Кеннеди, работавший с Джерри в команде Вашингтона. — Вокруг царили энтузиазм, воодушевление и, честно говоря, радость оттого, что кому-то наконец-то стало не все равно, что здесь происходит».

Джерри Альтман вырос в Клейтоне, зажиточном пригороде Сент-Луиса, он был младшим сыном владельца обувной фабрики. История семьи Альтман во многом типична для еврейских иммигрантов-предпринимателей. Дед Джерри Гарри Альтман — прадед Сэма Альтмана — родился в еврейской общине Плоцка, недалеко от Варшавы, тогда входившей в состав Российской империи. В 1904 году он, не желая отправляться на Русско-японскую войну, бежал в Западную Европу вместе с женой Берди. Затем Гарри в одиночку перебрался в Соединенные Штаты. Остановившись в Нью-Йорке, он устроился на работу к семье Питцитц, владевшей сетью магазинов по всему

югу страны, включая маленький городок Николлс в Джорджии. Через два года Джерри Альтман накопил достаточно денег, чтобы Берди смогла переехать к нему. Она тоже пошла работать в магазин Питтитцев, который Альтманы впоследствии выкупили⁸.

У супругов родилось пятеро детей. Дочь Минни умерла в детстве от испанки. Остальные — Сэм, Джек, Сол и Реба — выжили. Альтманы не были религиозны, но Берди беспокоило, что в маленьком южном городке дети оказались оторваны от своего еврейского наследия. Она решила продать семейный бизнес в Николлсе и купить здание под магазин в Атланте. Когда эта сделка сорвалась, Берди подала иск и выиграла дело в Верховном суде Джорджии⁹. «Моя прабабушка была настоящей бизнес-леди, куда больше, чем прадедушка», — говорила Санни Альтман, внучка Сола.

Когда мечты Берди об устройстве семьи в Атланте рухнули, Альтманы переехали в портовый Брансуик. Они начали с чистого листа, занявшись недвижимостью: покупали закрывающиеся магазины, распродавали товары, а затем продавали помещения. Одной из таких сделок стал обувной магазин в Северной Каролине, здание которого сгорело, но товар уцелел. По просьбе сына Джека, которому тогда было около 20, они сохранили товар и открыли магазин на главной улице города — Ньюкасл-стрит. Назвали его Altman's Shoes — «Обувь Альтмана»¹⁰.

Бизнес процветал. Берди пригласила родственников из Европы, и они открыли магазин в Брансуике. Когда старший сын Альтманов Сэм окончил колледж, он открыл на той же улице магазин Altman's Feminine Apparel. Судьба клана Альтманов вращалась вокруг обуви — за исключением младшего сына Берди и Гарри Сола, который стал юристом. Реба вышла замуж за Фила Салкина и открыла в Брансуике еще один обувной магазин, Salkin's. Джек, отучившись в Университете Джорджии,